

**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ
СТРУКТУРА
САРМАТСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ:
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ
И АНТРОПОЛОГИЯ**

Монография

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.А. Балабанова, В.М. Клепиков, Е.А. Коробкова,
М.В. Кривошеев, Е.В. Перерва, А.С. Скрипкин

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА
САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ И АНТРОПОЛОГИЯ

Монография

Волгоград
2015

УДК 393:572
ББК 63.529(235.54)
П 52

Исследования проводились при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 12-06-20012 а)
Монография публикуется при поддержке гранта РФФИ, проект № 12-06-00212 а

Научные редакторы:

доктор исторических наук *М.А. Балабанова*;
доктор исторических наук *А.С. Скрипкин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М.Г. Мошкова*;
доктор исторических наук *М.Б. Медникова*

**Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А.,
Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С.**

П 52 Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология: монография / отв. ред.: д-р ист. наук М.А. Балабанова, д-р ист. наук А.С. Скрипкин; Волгоградский государственный университет. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 272 с.

Книга знакомит читателей с результатами исследования половозрастной структуры культур сарматского круга. В процессе изучения данной проблемы были интегрированы усилия археологов и антропологов, работы которых велись по двум направлениям: специфика погребального обряда, сопряженная с полом и возрастом; исследование половозрастной структуры, демографических, краниологических и палеопатологических характеристик каждой хронологической группы сарматского времени.

Для археологов, историков, антропологов, социологов и широкого круга читателей.

УДК 393:572
ББК 63.529(235.54)

ISBN 978-5-7786-0573-2

© Коллектив авторов, 2015
© Волгоградский филиал
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>М.А. Балабанова, А.С. Скрипкин</i>).....	6
ГЛАВА 1. Погребальная обрядность в раннесарматское время (<i>В.М. Клепиков</i>)	18
1.1. Общая характеристика обряда.....	19
1.2. Мужская погребальная субкультура.....	23
1.3. Женская погребальная субкультура.....	27
1.4. Детская погребальная субкультура.....	31
Приложение 1 Статистические данные по раннесарматской погребальной обрядности.....	35
Приложение 2 Иллюстрации к главе	43
ГЛАВА 2. Погребальная обрядность в среднесарматское время (<i>А.С. Скрипкин</i>).....	48
2.1. Общая характеристика обряда.....	49
2.2. Мужская субкультура.....	58
2.3. Женская субкультура.....	63
2.4. Детская субкультура.....	68
Приложение 1 Статистические данные по среднесарматской погребальной обрядности.....	70
Приложение 2 Иллюстрации к главе	81
ГЛАВА 3. Погребальная обрядность в позднесарматское время (<i>М.В. Кривошеев</i>).....	84
3.1. Общая характеристика обряда.....	86
3.2. Мужская субкультура.....	91
3.3. Женская субкультура.....	95
3.4. Детская субкультура.....	101
Приложение 1 Статистические данные по позднесарматской погребальной обрядности.....	105
Приложение 2 Иллюстрации к главе	114
ГЛАВА 4. Половозрастная структура и демографические показатели сарматского населения Нижнего Поволжья (<i>М.А. Балабанова</i>).....	116
4.1. Половозрастная структура и демографические показатели раннесарматского общества.....	122
4.2. Половозрастная структура и демографические показатели среднесарматского общества.....	125
4.3. Половозрастная структура и демографические показатели позднесарматского общества.....	127
4.4. Сравнительный анализ особенностей демографии сарматских хронологических групп.....	132
Приложение 1 Табличные данные по демографическим показателям сарматских серий.....	138
Приложение 2 Иллюстрации к главе	142

ГЛАВА 5. Антропологическая структура сарматского населения Нижнего Поволжья на основе изучения краниологических серий (М.А. Балабанова) (OOOOOOOOO).....	146
5.1. Краниология раннесарматских групп.....	146
5.1.1. Краниология раннесарматских мужских групп.....	146
5.1.2. Краниология раннесарматских женских групп.....	147
5.1.3. Динамика изменчивости раннесарматского населения. Мужские группы.....	147
5.1.4. Динамика изменчивости раннесарматского населения. Женские группы.....	148
5.2. Краниология среднесарматских групп.....	148
5.2.1. Краниология среднесарматских мужских групп.....	148
5.2.2. Краниология среднесарматских женских групп.....	149
5.3. Краниология позднесарматских групп.....	149
5.3.1. Краниология позднесарматских мужских групп.....	149
5.3.2. Краниология позднесарматских женских групп.....	150
5.3.3. Сравнение серий с деформированными и недеформированными черепами позднесарматского времени.....	151
5.3.4. Динамика изменчивости позднесарматского населения. Мужские группы.....	152
5.4. Сравнительный анализ особенностей краниологии сарматских хронологических групп.....	153
Приложение 1 Табличные данные по краниологическим сериям.....	160
Приложение 2 Иллюстрации к главе.....	171
ГЛАВА 6. Патология сарматского населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (Е.В. Перерва).....	179
6.1. Патология раннесарматских групп.....	180
6.1.1. Патология раннесарматских мужских групп.....	180
6.1.2. Патология раннесарматских женских групп.....	181
6.1.3. Патология раннесарматских детских групп.....	182
6.1.4. Общая патологическая характеристика раннесарматского общества.....	182
6.2. Патология среднесарматских групп.....	187
6.2.1. Патология среднесарматских мужских групп.....	187
6.2.2. Патология среднесарматских женских групп.....	188
6.2.3. Патология среднесарматских детских групп.....	189
6.2.4. Общая патологическая характеристика среднесарматского общества.....	189
6.3. Патология позднесарматских групп.....	193
6.3.1. Патология позднесарматских мужских групп.....	193
6.3.2. Патология позднесарматских женских групп.....	194
6.3.3. Общая патологическая характеристика позднесарматского общества.....	195
6.4. Сравнительный анализ особенностей патологии сарматских хронологических групп.....	201
Приложение 1 Табличные данные по патологическому состоянию сарматских серий.....	211

Приложение 2 Иллюстрации к главе	227
ГЛАВА 7. Ритуал и традиция погребального обряда сарматского общества: этноархеологический аспект (<i>Е.А. Коробкова</i>).....	230
7.1. Особенности раннесарматской погребальной обрядности	232
7.1.1. Особенности погребальной обрядности гендерных групп.....	232
7.1.2. Особенности погребальной обрядности возрастных групп	233
7.2. Особенности среднесарматской погребальной обрядности	234
7.2.1. Особенности погребальной обрядности гендерных групп.....	235
7.2.2. Особенности погребальной обрядности возрастных групп	235
7.3. Особенности позднесарматской погребальной обрядности	237
7.3.1. Особенности погребальной обрядности гендерных групп.....	237
7.3.2. Особенности погребальной обрядности возрастных групп	237
7.4. Общее и особенное в погребальной обрядности сарматских культур.....	239
Заключение (<i>М.А. Балабанова, А.С. Скрипкин</i>)	246
Список литературы	251
Список сокращений	271

ВВЕДЕНИЕ

В традиционных культурах соотношение населения по полу и возрастным группам определяется естественным разделением труда. Обычно половозрастная градация включала младенцев, детей, подростков, юношей, девушек брачного возраста, молодых бездетных мужчин и женщин, молодых женатых мужчин и замужних женщин с детьми, их же с подростками детьми, стариков, старух. Различные половозрастные группы могли более или менее четко характеризоваться различиями в нормах поведения (предписаниях и ограничениях в еде, одежде и украшениях), престиже, привилегиях. Как показывают этнографические исследования, у мужчин чаще, чем у женщин, складывались пожизненные возрастные объединения, имевшие свои наименования, определенную организацию и предводителей. Мальчики уже при рождении зачислялись в такие объединения, и все объединение сообщество через строго определенные интервалы времени переходило из одной возрастной ступени в другую. Обычно важнейшие из таких ступеней разделяли мальчиков и подростков, не прошедших обряда инициаций, юношей в период между инициациями и женитьбой, женатых мужчин и, наконец, пожилых мужчин, пользовавшихся особым авторитетом и привилегиями.

Таким образом, категория «возраст» наполнена особым смыслом, поскольку ее определение шло не столько по количественным показателям (количеству прожитых лет), сколько по уровню физического развития и приобретения силы, что позволяло индивидам совершать переход из одной возрастной когорты в другую (Любимова, 1997. С. 383). Указанное правило позволяло отдельным людям совершать переход из одной возрастной структуры в другую немного раньше или, наоборот, позже, чем остальные члены коллектива. Тем самым возрастная стратификация была связана с обретением определенного биологического статуса в процессе взросления, что зачастую совпадало с новым социальным статусом индивида. При таком раскладе каждый индивид, входящий в конкретное общество, обладал своими координатами, занимая соответствующее место одновременно в нескольких социальных структурах.

Категории «пол» и «возраст» непосредственно связаны с главными показателями «социальной личности» и относятся к физико-генетической (половой) структуре и рассматриваются в горизонтальной проекции (Ольховский, 1995. С. 89–91; Радаев, Шкаратан, 1996. С. 16–19; Поликанова, 1998; Черных, Венгеров, 1987; Калиновская, 1976; Бутинов, 1982; Попов, 1982; Колесников, 1985; Тишкин, 1997. С. 54). Гендерные стереотипы представлений о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин были социально разделяемые, отражали половую дифференциацию, первоначально связанную с распределением производственных функций. При этом статус мужчины и женщины менялся в течение всей жизни. Так, более высокий статус мужчин был сопряжен с определенным возрастом. Данные античных письменных источников, многочисленные описания кочевников более позднего времени свидетельствуют о том, что по мере взросления при переходе из одной возрастной когорты в другую статус мужчины повышался. При этом при переходе во взрослую группу мальчик-подросток становится мужчиной-воином. Обратный процесс наблюдался в процессе старения и утраты физической силы. Старики уже не участвуют в материальном производстве и в военных действиях, а «доигрывают свои роли» в культурном и социальном производстве: становятся носителями родовых преданий

(сказители, мудрецы), участвуют в первичной социализации внуков, разрешают споры, прекращают конфликты и т.д. Однако с дряхлением происходит ослабление их руководящей роли, и для тех, кто «зажился» на этом свете, существовали достаточно жесткие обычаи и обряды (Геродот, I. 216; Плано Карпини, 1957. С. 36–37; Велецкая, 2003).

Ценность же женщины в архаических обществах прежде всего была связана с репродуктивной функцией. Их социальная роль сводилась к рождению и воспитанию детей. Поэтому их высокий статус был связан с началом и завершением фертильности. Таким образом, в первую очередь ценились юные и молодые женщины. Пожилые женщины играли те же социальные роли, что и пожилые мужчины (Дольник, 1994; Артемова, 2004).

Все вышесказанное позволяет предположить, что в культурах ранних кочевников сарматского круга мужские погребения должны разбиваться на несколько четко фиксируемые групп, что обусловлено существованием у сарматов общественных рангов и институтов инициации, резко отделяющих одну социальную группу от другой. Структура же женских захоронений должна образовывать группировки, обусловленные их возрастом и репродуктивным поведением. Рассмотрение элементов погребального обряда сарматского населения с учетом физико-генетических признаков позволит выявить особенности половой и возрастной стратификации исследуемого общества.

История изучения погребального обряда на основе половозрастных характеристик началась недавно и осуществлена в основном по культурам бронзы, раннего железного века и раннего средневековья Сибири (Кильдюшева, 2009; Матвеева, 1999а; 1999б; 2000; Матренин, 2005; Дашковский, 2003; Серегин, 2010; 2011; 2012; 2013; Берсенева, 2010; 2011; 2013; Длужневская, 1976 и др.).

Так, проведенный П.К. Дашковским анализ курганов пазырыкского времени позволил ему сделать вывод о существовании у номадов системы возрастных классов, которые обусловлены биологическими, социально-экономическими и культурно-историческими особенностями динамики кочевого общества. Специфика погребальной обрядности «пазырыкцев» делает возможным выделить определенный социальный приоритет мужчин возмужалого и зрелого возраста. Достаточно высокую роль в обществе занимали женщины 20–35-летнего возраста. Существенно ограниченной социальной значимостью обладали дети младшего и старшего возраста, а также подростки, до того момента пока успешно не проходили обряд инициаций и не становились полноправными членами коллектива. Таким образом, автор считает, что реальное место номада в половозрастной структуре обусловлено его личными физико-генетическими данными, а также особенностями социокультурного развития общества в целом (Дашковский, 2003).

По мнению Н.П. Матвеевой, у населения каменной культуры Приобья, безусловно, существовали возрастные классы, имевшие свои функции, а также внешние признаки в виде костюма и украшений. Члены отдельных возрастных когорт выполняли разные общественные функции, с утратой которых статус менялся. По ее мнению, наиболее высоким был статус возмужалых и зрелых мужчин и женщин (большие размеры могильных камер, украшения, предметы роскоши, больше инвентаря). Женщины, за исключением юных, осуществляли ритуальные функции. Старики не пользовались особым общественным почетом и привилегиями, в их погребениях

мало инвентаря, остатков жертвенной пищи и т.д. Общественная оценка роли старых женщин до самой смерти была высокой из-за сохранения ими воспитательных и религиозных функций, тогда как мужчины, утрачивая силу и ловкость для войны и работы, могли рассматриваться как обуза (Матвеева, 1999б. С. 58).

Еще одно аналогичное исследование Н.П. Матвеева провела по материалам саргатской и гороховской культур (2000). Из половозрастных различий саргатской погребальной обрядности она отмечает следующее. В мужских погребениях наиболее изменяемыми показателями обладают погребения юношеской возрастной группы. Высокий статус и общественная оценка роли молодых и зрелых мужчин связываются с военной сферой деятельности. Социальная значимость стариков снижается от раннесаргатского периода до среднесаргатского. В позднесаргатский период роль старых мужчин и женщин повышается, хотя и остается незначительной.

Среди женских возрастных групп наиболее высокий статус имеют юные особы, что объясняется «высокой ценностью невест и обычаем хоронить их в свадебном уборе». Приоритетное положение занимали и женщины зрелого возраста (Матвеева, 2000. С. 155).

Более подробно гендерный анализ памятников саргатской культуры провела Н.А. Берсенева (2010; 2011; 2013 и др.). Отдельные ее статьи посвящены исследованиям женской погребальной обрядности и людей старшей возрастной группы (Берсенева, 2011; 2013). Доля оружия в женских индивидуальных захоронениях саргатских могильников невелика и составляет 5,6 %. Это или оружие дистанционного боя в комплекте, или кинжалы, иногда и то, и другое вместе. Для интерпретации женских погребений с оружием Н.А. Берсенева опирается на уровень боевого травматизма, осуществленный Д.И. Ражевым. Как на женских костяках, так и на мужских он оказался очень низким. На основе результатов комплексного исследования автор высказала гипотезу о том, что наличие оружия в погребениях не обязательно свидетельствовало об участии погребенного в боевых событиях, а могло маркировать статус «касты воинов» (Берсенева, 2011. С. 74, 76).

Исследование Н.А. Берсеновой материалов погребений подростков дает повод выделять их в особый гендерный класс, близкий женскому (Берсенева, 2005).

Что касается изучения специфики погребений старшей возрастной когорты саргатской культуры, было признано, что их погребения не демонстрируют убедительной связи между возрастом и составом погребального инвентаря. Поэтому когорты старших в обществе «саргатцев» не имела повышенного статуса, связанного с возрастом, но и не ущемлялась в своих правах. Тем не менее люди старших возрастов пока не обнаружены в самых богатых «царских» погребениях, в них были обнаружены мужчины в возрасте 30–35 лет (Берсенева, 2013. С. 27, 28).

Неоднократно рассматривались особенности половозрастной дифференциации в погребальном обряде и древнетюркского общества Сибири (Длужневская, 1976; Белинская, 2009; Серегин, 2011; 2012; 2013 и др.). В первую очередь изучались различия в составе сопроводительного инвентаря. Наиболее подробно данный вопрос представлен в статье Г.В. Длужневской, которая обозначила основные характеристики предметного комплекса в погребениях мужчин, детей и женщин. При этом исследовательница подчеркнула, что положение последних в обществе номадов раннего средневековья было достаточно высоким (Длужневская, 1976. С. 200). Д.Г. Савинов отметил отличительную особенность женских погребений древних тюрков, которая

связана с наличием металлического зеркала в сочетании с гребнем и маленьким ножиком. Данный комплекс, по мнению исследователя, отражает реальные этнографические особенности раннесредневекового населения (1982. С. 119, 120).

Кроме женских погребений отдельное исследование проводилось и по детской погребальной обрядности. Так, в статье Т.И. Полищук представлены результаты исследования детских захоронений тесинского этапа тагарской и таштыкской культур (1999. С. 7–10). Материалы обеих культур показали, что самые «примитивные» конструкции погребальных сооружений характеризуют группу детей младенческого возраста, и чем старше становился ребенок, тем более она усложнялась. Кроме этого, у детей младенческого возраста как в тесинских комплексах, так и в позднеташтыкских наблюдалась поза на боку. Погребальный инвентарь и его распределение в детских могилах сильно отличается от могил взрослых. Могилы младенцев и даже некоторой части детей 5–10 лет безынвентарные.

Исследование по детским погребениям раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона было проведено Н.Н. Серегиним (2013). Остановимся на выводах в этой статье, которые будут интересными для нашего исследования. Во-первых, это малочисленность детских захоронений, которая свидетельствует о том, что для какой-то группы детей не создавали традиционные погребальные сооружения. Во-вторых, это вариабельность элементов погребальной практики, позволяющая выделить как общие, так и отличительные черты. В-третьих, в детской погребальной обрядности присутствует четкая дифференциация. При этом выделяется детская группа, которая обозначает принадлежность детей к определенной гендерной группе взрослых. Заметно выделение погребений подростков (14–15 лет), которые отличаются наличием захоронений лошади. Высокое положение в воинской иерархии занимали молодые мужчины 18–20 лет (Серегин, 2013. С. 92).

Недавно вышла публикация и по детским погребениям ранних кочевников Южного Урала IV–II вв. до н.э. (Берсенева, Гильмитдинова, 2013). Приуральские раннесарматские детские комплексы характеризуются определенными признаками. Детские погребения (0–15 лет), как правило, локализуются на периферии подкурганного пространства, преобладают индивидуальные детские захоронения в ямах сложной конструкции, около 50 % – подбои и катакомбы. Пятая часть могил была безынвентарной, а из инвентаря в основном присутствовали керамика и кости животных. Оружие, представленное кинжалами, мечами и наконечниками стрел, редко встречается в погребениях (менее 10 %) и всегда присутствует в могилах индивидов старше 5–7 лет (Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 39).

Подростковая и юношеская когорта возраста 15–18 лет, несмотря на малочисленность, по инвентарному набору и локализации погребения в кургане стоит ближе к детям, чем к взрослым. На основе этого авторы предполагают, что 18 лет – это возраст физической и социальной «взрослости» (Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 41).

Свой подход к реконструкции социальной организации и демографической ситуации на заключительном этапе хунно-сяньбийской эпохи предложен С. А. Васютиным и А. С. Васютиным на основе археологических и антропологических данных некрополя Кок-Паш (Васютин С.А., 1997; 1998; 2002; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2002; Васютин С.А., Васютин А.С., 2005).

Представления об уровне общественного развития «булан-кобинцев» сводятся пока в основном к констатации неоднородности коллективов, оставивших отдельные могильники, хотя исследователи разделяют позицию о наличии у проживавшего там населения сложной социальной организации, базировавшейся на родоплеменной системе и характеризующейся пересечением нескольких типов стратификаций. Главным приоритетом половозрастной, социально-имущественной, профессиональной стратификации являлся сопроводительный инвентарь. На основе этого выделены категории инвентаря, которые составляли стандарт детской, женской и мужской «субкультур» (Матренин, 2005. С. 17, 18). К социально престижным слоям населения, выделенным на основе этого анализа, относились мужчины возмужалого и зрелого возраста, достаточно высоким было положение женщин, ограниченной была значимость детей (Матренин, 2005. С. 19).

Известны погребения юношей, включающие разнообразный и многочисленный сопроводительный инвентарь. В то же время очевидно и то, что основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины. В ряде случаев отмечается сохранение статуса лиц, находящихся в преклонном возрасте. Последние утверждения споредливы и по отношению к особенностям прижизненного положения женщин.

Половозрастная и социально-имущественная стратификация «булан-кобинцев» изучалась и на примере детских погребений (Мамадаков, 1997).

Комплекс вопросов, связанных с изучением особенностей женских погребений тюркской культуры, в последние годы затрагивался в целом ряде работ. Следует особо отметить, что на некоторых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Описание трех женских захоронений тюркской культуры, обнаруженных в Монголии, приведено в совместной статье Ю.С. Худякова и К.И. Белинской (2006. С. 498, 499). Авторы отметили, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда. Перспективы изучения женских погребений тюркской культуры Саяно-Алтая обозначены в ряде публикаций К.И. Белинской (Худяков, Белинская, 2006; Белинская, 2007а, б). По ее мнению, в материалах женских захоронений не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества кочевников раннего средневековья (Белинская, 2007а. С. 147; 2009). Исследовательницей приведена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок.

Еще одно специальное исследование женских раннетюркских погребений было недавно проведено Н.Н. Серегиним (2012). В женской погребальной обрядности он выделил как общие черты, так и специфичные показатели женских захоронений. Первые определяются этнокультурной принадлежностью объектов и универсальны для всей совокупности памятников рассматриваемой общности. Особенности характеристики женских погребений, отличающие их от мужских могил, связаны с гендерной принадлежностью умерших. Гендерные стереотипы в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии, судя по археологическим материалам, были весьма устойчивыми. Зафиксированные отклонения единичны и могут объясняться отдельными специфичными характеристиками ритуала либо особым статусом погребенных женщин. Социальная дифференциация, прослеженная по материалам женских захоронений, свидетельствует о наличии различных общественных слоев. В частности, выделяются «элитные» погребения, принадлежавшие, судя по всему, знатным жен-

щинам второй половины I тыс. н.э. Результаты изучения археологических материалов подтверждаются комплексом сведений письменных источников о достаточно высоком положении женщин в обществе раннесредневековых тюрков. Косвенные свидетельства о наличии у них зависимых слоев не находят подтверждения на обширном материале (Серегин, 2012. С. 67).

С.А. Васютин также изучал женские захоронения тюркской культуры и выделил две возрастные группы, получившие отражение в материалах погребальных комплексов. Это женщины 25–35 лет и женщины старше 55–60 лет, которые, по видимому, играли ведущую роль в общественной жизни (Васютин, 2009. С. 200).

Кроме изучения половозрастного аспекта погребального обряда сибирских культур, на аналогичную тему имеются исследования и по европейским скифам. Половозрастной анализ скифских погребений выявил общие черты погребального обряда, не зависящие от пола и возраста. Они отражают как явления этнического порядка, так и имущественное и социальное единство изучаемой группы погребений. Были выделены признаки погребений, характеризующие определенные половозрастные группы. Различия двух возрастных групп взрослых и детей состоят в размерах погребальных сооружений и в наличии большинства категорий инвентаря. Различия по полу также проявляются в инвентаре, который отражает разделение производственных функций между мужчинами и женщинами. Мужчина выступает, прежде всего, как воин. Несмотря на то, что в каждом погребении состав оружия разный, оно является постоянным атрибутом. Признаками мужского инвентаря являются ворворки, оселки, топор, узда и др. В инвентаре женских погребений более массовыми находками являлись украшения, разнообразные по форме. Из орудий труда в них часто встречаются пряслица (Бунатян, 1985. С. 68, 69).

Особое место в историографии данной проблемы занимают работы, связанные с высоким статусом женщин в древних и средневековых кочевых обществах, и сопряженный с ним признак – наличие вооружения в женских погребениях. Как уже отмечалось выше, женские погребения с оружием не являются исключением для степного / лесостепного мира Евразии раннего железного века. Публикации скифских памятников показали, что женщины иногда сопровождались буквально всеми видами оружия; верховыми и упряжными лошадьми. Например, в кургане 7 скифского могильника Новозаведенное II была захоронена молодая женщина 20–25 лет в сопровождении обширного ряда предметов вооружения, среди которых сохранились фрагменты меча, копья, топора, боевого ножа, а также наконечники стрел и детали конской упряжи. Наряду с этим в погребении были встречены и традиционные для погребений женщин вещи: два пряслица, множество бусин из стекла, янтаря, сердолика, фаянса и гагата (Петренко и др., 2004). По данным Е.П. Бунатян, около 30 % женских погребений содержали оружие (1985. С. 70). Согласно данным Е.Е. Фиалко, 25 % скифских погребений с оружием являются женскими (1991). Одной из причин обучения женщин владеть боевым оружием, видимо, была встречаемая в условиях кочевого быта ситуация, когда приходилось отражать набеги на становища неприятеля в момент отсутствия мужчин. Нет сомнений, что с новыми раскопками выводы будут корректироваться. Можно считать установленным, что в степных и близких им лесостепных обществах определенный процент женщин (по разным регионам – от 10 до 25 %) погребался с оружием. Интерпретировать этот факт тем не менее непросто. В литературе на этот счет рассматривались разные версии: от существования жен-

ских военизированных отрядов до символической передачи предметов вооружения уже отбывшим в иной мир мужьям или родственникам (Богаченко, Максименко, 2008. С. 55; Полосьмак, 2001. С. 276, 277; Стрижак, 2007. С. 75). Существует также мнение об антропологических ошибках при определении пола костяков из погребений с оружием (Ражев, 2009. С. 46–48). Но главной проблемой, занимающей исследователей, является вероятность участия женщин в реальных боевых действиях. Если они участвовали в них, то в какой форме: на регулярной или случайной основе? Многие ученые полагают, что захоронения женщин с «мужскими» артефактами могут свидетельствовать об их более высоком статусе, а не о реальной военнизированности женщин. Данное мнение не противоречит историческим и этнографическим данным (McHugh, 1999; Parker Pearson, 1999). Скифские женские захоронения с оружием встречаются в основном в элитных курганах (Петренко и др., 2004). Известно, что европейских средневековых королей так же хоронили с оружием и в доспехах, что было показателем их высокого положения (McHugh, 1999). Исследователи считают, что оружие здесь скорее является статусным символом, нежели свидетельствующим о действительном занятии или военных успехах погребенных женщин.

Что касается культур сарматского ареала, то, судя по публикациям, наиболее «богатые» женские захоронения оружия не содержали, тогда как мужские того же уровня включали его обязательно (Ковпаненко, 1986; Скворцов, Скрипкин, 2008; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989; Петренко и др., 2004; Яблонский, Мещеряков, 2007; Стрижак, 2006). На основании анализа инвентаря и локализации донских сарматских женских погребений с оружием Т.В. Богаченко и В.Е. Максименко отметили, что «наличие оружия в могиле, видимо, само по себе мало говорит о высоком или низком статусе погребенной женщины» (Богаченко, Максименко, 2008. С. 54).

Тема о высоком статусе женщин у кочевников сарматского круга не раз изучалась отечественными исследователями (Ростовцев, 1915. С. 58–77; Граков, 1947; Хазанов, 1970. С. 138–148; Мирошина, 1990. С. 162–174; Яценко, 1994. С. 203, 204; 2001; 2007). Анализ касался в основном сравнения социального положения мужчины и женщины в семье и обществе; выяснения отношений господства и подчинения в положении полов. В большинстве работ высказывалось мнение о равноправном положении женщины, а в некоторых случаях выдвигались идеи о более высоком статусе женщин, чем мужчин. Данный вывод согласуется с наблюдениями исследователей, изучавших различные общества кочевников Евразии и пришедших к заключению о высоком статусе женщин в кочевом социуме (Хазанов, 1975. С. 85, 86; Китова, 2005). Судя по всему, это отражает общие социальные тенденции, характерные для скотоводов древности и раннего средневековья.

При этом исследователи сошлись во мнении о том, что для кочевых обществ была характерна патриархальная, парная семья. Дискуссионными остаются вопросы, касающиеся определения статуса женщины в военно-политической и культовой сферах. Своеобразным свидетельством привилегированного положения некоторых женщин в древних обществах стали обнаруженные археологами «богатые» женские погребения. Интересными являются исследования, в которых предприняты попытки определить «гендерные маркеры» инвентаря погребенных, в частности орудий труда (Клепиков, 2013; Коробкова, 2013). Широкое привлечение данных антропологии позволило исследователям выйти на новый уровень интерпретации археологического материала.

Таким образом, половозрастная принадлежность умерших являлась одним из факторов, определявших специфику погребального обряда. Наиболее показательными в этом отношении признаками являлись размеры наземных и подкурганых сооружений, количество захороненных лошадей и других жертвенных животных, качественный состав сопроводительного инвентаря и т.д. Другой фактор, обусловивший вариабельность этих и других характеристик обряда, связан с различным социальным статусом умерших и требует детального рассмотрения в отдельной работе.

Кроме изучения половозрастного аспекта погребального обряда, в данной коллективной монографии приводятся результаты анализа антропологического материала по сарматским культурно-хронологическим группам. В первую очередь анализировались половозрастная структура и некоторые показатели демографии сарматских групп, во вторую – выявлялась антропологическая структура на основе краниологии с определением мужского и женского типов и, в-третьих, давалась характеристика патологического состояния половозрастных групп сарматского населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона.

Вопросы половозрастной стратификации сарматских подкурганых серий рассматривались: по Нижнему Поволжью в работах М.А. Балабановой (2000а, б; 2009а, б и др.), по Нижнему Дону – в работах Е.Ф. Батиевой (2006; 2007а; 2011), а также по серии позднесарматского времени могильника Покровка 10 Южного Приуралья (Яблонский, 2008). Локальная изменчивость по данной проблеме в сарматских сериях незначительная, и большая часть демографических параметров сходна.

Итоги предыдущих исследований показали, что в группах раннесарматского времени из могильников Нижнего Дона и Нижнего Поволжья наблюдается большой процент захоронения детей, более 30 %; низкий возраст дожития, как с учетом детей, так и без их учета; соотношение по полу близкое к норме (1:1) по сравнению с последующими эпохами. Специфика нижнедонской серии связана с диспропорцией полов в сторону значительного преобладания женщин над мужчинами (Батиева, 2007а. С. 126; 2011. С. 38). Следует отметить, что раннесарматские памятники Нижнего Дона в основном представлены погребальными комплексами, датирующимися II–I вв. до н.э. (Глебов, 2010). Преобладание женских погребений над мужскими наблюдается и в некоторых нижневолжских могильниках (Бережновка, Аксай, Авиловский II) (Балабанова, 2000а. С. 85; 2009б. С. 7).

По параметру «средний возраст смерти» в обеих территориальных раннесарматских группах показатели близкие и соответствуют среднему возрасту смерти с учетом детей в серии из Нижнего Дона – 24,6 лет, а в сериях из Нижнего Поволжья от 22,2 до 29,4 лет (Перегрузное I и Первомайский). Что касается среднего возраста смерти взрослого населения, то мужчины на несколько лет жили дольше, чем женщины, и средний возраст смерти по Нижнему Дону ниже, чем по сериям из Нижнего Поволжья (Балабанова, 2009б. С. 7; Батиева, 2011. С. 38).

Следует указать еще на очень важные показатели. В обеих территориальных группах женщины чаще умирали в детородном возрасте (15–35 лет), чем мужчины. Выявлен небольшой процент – до 10 % – людей старше 50 лет (Балабанова, 2009б. С. 7; Батиева, 2011. С. 38).

В среднесарматских сериях обоих регионов сокращается количество захоронений детей и женщин. Так, детей в среднесарматских могильниках Нижнего Дона около 20 %, а в могильниках Нижнего Поволжья – менее 20 %, кроме могильников

Первомайский и Старица. Соотношение по полу могильниках Нижнего Дона в норме (1,2; 1), а в могильниках Нижнего Поволжья от 0,56 и 0,9 (серии из Калиновки и Первомайского) до 1,7 и 3 (серии из Бережновка, Авилковский II) (Балабанова, 2009б. С. 7; Батиева, 2011. С. 38).

В связи с тем, что детей в среднесарматских сериях на порядок меньше, чем в раннесарматских, то средний возраст смерти почти во всех группах выше: в нижеволжской он выше 29 лет, в нижнедонской – около 26 лет. Тем не менее средний возраст смерти взрослого населения среднесарматского времени на несколько лет ниже, чем раннесарматского. Это связано с тем, что доля молодых людей (15–35 лет) обоих полов в нижнедонской и нижеволжской выборках составляет более 50 % (Балабанова, 2009б. С. 7; Батиева, 2011. С. 38).

Распределение детской смертности по возрастам в раннесарматской и среднесарматской хронологических группах соответствует общепринятым для древности и средневековья нормам. Более 20 % детей умирали в первый год жизни (Батиева, 2011. С. 38; Балабанова, 2009б. С. 8).

Тенденции к уменьшению захоронений детей и женщин выявляется к позднесарматскому времени, что сказывается на значениях показателя половозрастной структуры. Все демографические показатели, свойственные позднесарматскому населению Нижнего Дона, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, похожи и не соответствуют показателям нормальной популяции. Для данного населения характерно практически полное отсутствие захоронений детей под курганами, значительное, более чем в два раза, преобладание мужских погребений над женскими, и две восточные группы (южноуральская и нижеволжская) характеризуются высокими показателями среднего возраста смерти – более 40 лет. В связи с этим при палеодемографическом исследовании нет возможности определить ряд показателей: уровень детской смертности, средний возраст смерти с учетом детей и др. (Батиева, 2006. С. 55–57, 65, 66; 2007а. С. 126; 2011. С. 43; Балабанова, 2009б. С. 7; Яблонский, 2008. С. 73, 74).

Таким образом, результаты демографического анализа показали, что в разных хронологических сарматских группах меняется половозрастная структура, которая, видимо, связана с изменениями, претерпеваемыми обществом в погребальной обрядности. Эти изменения, по-видимому, являются результатом миграций, изменивших культурный комплекс и антропологический тип. Прежде всего, в культурном комплексе изменился принцип использования подкурганного пространства: от тотального применения его к каждому умершему члену сообщества (раннесарматские курганы-кладбища) к селективности (среднесарматские индивидуальные насыпи и курганы-кладбища; позднесарматские индивидуальные насыпи).

Изменение антропологического типа сарматского населения можно проследить на основании изучения краниологических материалов. Так, внутригрупповая структура сарматских групп до 70-х годов XX столетия изучалась с позиций индивидуальной типологии, а проблема происхождения решалась сравнением средних значений серий (Дебец, 1936; 1948; Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1970). В результате исследований были выделены антропологические типы, которые в той или иной мере присутствовали во всех трех хронологических группах. Это, прежде всего, так называемый андроновский тип и тип среднеазиатского междуречья, которые составляли большинство в сериях раннесарматского и среднесарматского времени.

В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн, анализируя материалы, пришли к выводу о сходстве сарматских групп первых двух периодов (Гинзбург, 1959. С. 571–574; Фирштейн, 1970. С. 95).

Начиная с 90-х годов XX столетия по настоящее время, анализ внутригрупповой структуры и сравнительный анализ проводятся методами мономерной и многомерной статистики (Балабанова, 2000а; 2003а; 2004а; 2007; 2009а; 2010а, б, в; Батиева, 2006; 2007а; 2011; Яблонский, 2005; 2008; 2010; Фризен, 2010). Следует отметить, что в этих работах изучался материал, распределенный по хронологическим группам, что позволило определить динамику антропологического облика населения от раннесарматского времени к позднесарматскому.

Изменчивость серий во времени связана, прежде всего, с изменением во внутригрупповой структуре населения, что является результатом миграций. Начиная со II–I вв. до н.э., тип умеренно широкоголовых европеоидов савромато-раннесарматского времени размывается притоком длинноголовых европеоидов. Это привело к тому, что среднесарматские группы приобрели мезоморфный облик, а позднесарматские – тип длинноголовых европеоидов.

В отличие от групп раннесарматского и среднесарматского времен в позднесарматской выборке отсутствует локальная изменчивость. Как в восточных группах из Южного Приуралья, Заволжья, Волго-Донского междуречья, Астраханского правобережья, так и в западных из Северного Кавказа, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья преобладает тип длинноголовых европеоидов с высоким сводом. Он же определяется и на материалах отдельно взятых могильников (Круц, 1993. С. 131–141; Балабанова, 2003а. С. 247; 2004а. С. 24, 25; 2010в. С. 128, 129; Батиева, 2007а. С. 128; 2011; Яблонский, 2005. С. 51. Герасимова, Фризен, 2007. С. 493). При этом наблюдается большая массивность черепа у групп, практиковавших обычай преднамеренной деформации. Кроме этого, в сериях деформированных черепов, по сравнению с недеформированными, выше свод, лицо, нос, орбита, уже и короче мозговая коробка, шире лицо (Балабанова, 2004б. С. 174–182; Батиева, 2007б. С. 402, 403).

Таким образом, результаты краниологического анализа и показатели демографии демонстрируют изменения в хронологических сарматских группах, которые, являются результатом миграций новых групп населения на сарматскую территорию.

Еще один аспект изучения антропологического материала – это изменение палеопатологического состояния костей, что позволяет оценивать образ жизни древних групп населения. Так как не вызывает сомнений тот факт, что сарматские группы вели кочевой образ жизни, то в качестве индикаторов кочевого хозяйства можно назвать в первую очередь нарушения зубочелюстной системы, которые реагируют на питание и использование зубов в трудовой деятельности. Из данной группы патологий на сарматском материале присутствуют: зубной камень, кариес, пародонтоз и прижизненная утрата зубов. Минерализованные отложения на зубах и кариозные поражения были встречены во всех трех сарматских группах. Распределение по этим двум признакам следующее: одинаковая частота присутствия зубного камня до 90 % (до 50–72,7 % в выборках, исследованных А.П. Бужиловой и М.А. Соколовой); невысокие частоты заболевания кариесом, до 28 % у ранних сарматов и до 8 % у поздних сарматов. На основе этих данных ученые приходят к выводу, что во всех сарматских хронологических группах была специфическая белковая диета, в которой преоблада-

ла продукция мясомолочного происхождения. Обозначенные выше группы демонстрируют и заболевания пародонта. Несмотря на то, что в хронологических группах частоты вполне сопоставимы, тем не менее несколько выше они в позднесарматской выборке (Перерва, 2010. С. 240–242; Бужилова, Соколова, 2006. С. 188; Суворова, 2008. С. 90).

Образ жизни сарматских групп отразился и на частоте встречаемости признаков недостатка микроэлементов и витаминов, воспалительных процессов, воздействия холодового стресса и эндокринных нарушений. Перечень признаков, определяющих недостаток витаминов и микроэлементов, чаще всего фиксируется на детских и женских костях, тем самым позволяя предположить, что именно дети в первую очередь являлись самой уязвимой к стрессам частью общества (Перерва, 2010. С. 244, 245; Бужилова, Соколова, 2006. С. 188).

Важным индикатором образа жизни и хозяйственной деятельности являются признаки воздействия на костную ткань низких температур – васкулярная реакция. Самые высокие частоты встречены на мужских костях позднесарматского времени, что является свидетельством чрезвычайной мобильности мужчин и длительного времяпровождения на открытом воздухе в холодное время года. Показатели васкулярной реакции, отличные у поздних сарматов от своих предшественников, видимо, напрямую связаны с периодическим их участием в дальних походах с целью грабежа и участия в военных столкновениях. У женщин всех периодов фиксируются невысокие частоты встречаемости этих признаков, что позволяет предположить наличие у них головного убора, предохраняющего голову от переохлаждения, или же в холодное время года они много времени проводили в закрытых помещениях (кибитках / повозках) (Перерва, 2002. С. 143; 2007. С. 398; 2010. С. 245).

Редко встречающейся патологией вообще, но присутствующей на сарматских эндокранах, является лобный гиперостоз. Следы его отмечают Е.В. Перерва и А.П. Бужилова с М.А. Соколовой (Перерва, 2010. С. 246, 247; Бужилова, Соколова, 2006. С. 188, 189, 192, 193; Бужилова, Соколова, Перерва, 2005). Данные нарушения эндокринной этиологии могли привести у какой-то части людей к гормональному дисбалансу, который отражался на внешнем облике людей, тучности.

Степень двигательной активности, реконструируемой по состоянию костей, определяется выраженностью деформирующего артроза. Сравнительный анализ по всем сарматским группам показал самую высокую степень выраженности на позднесарматском материале. Причем у группы с деформированными черепами она сильнее выражена, чем у группы с недеформированными (Балабанова, 2003а, С. 247; 2003б. С. 73; Перерва, 2005а; 2010. С. 248–250; Бужилова, 2005. С. 189–193). В результате анализа хронологических сарматских групп была выявлена и степень изношенности основных суставов организма, она самая высокая также у мужчин позднесарматского времени. Значительные нагрузки при жизни выпадали на плечевой, локтевой, лучезапястный, крестцово-подвздошный и тазобедренные суставы. Данная картина патологических изменений созвучна по состоянию позвоночного столба. Дегенеративно-дистрофические поражения в нем тоже гораздо чаще фиксируются на позднесарматских скелетах. Направленность этих патологий во всех трех сарматских группах следующая: остеофитоз, остеохондроз и узлы Шморля, фиксируемые в шейном и поясничном отделах. Особенности и характер распределения физических нагрузок и патологий опорно-двигательного аппарата у мужской части населения позволяет выде-

лить признаки, маркирующие специфику профессиональной и хозяйственной деятельности мужчин как кочевников и воинов, освоивших в совершенстве верховую езду (Перерва, 2002. С. 144; 2010. С. 250; Балабанова, 2003а. С. 246, 247).

Свидетельством участия в боевых столкновениях является не только наличие комплектов вооружения в погребениях, но и следы травматических повреждений на костях (Перерва, 2002; 2004б; 2005а, б; Батиева, 2003; Афанасьева, 2007; Бужилова, 2005; Бужилова, Соколова, 2006; Балабанова, Перерва, 2007).

Анализ травм, зафиксированных на материалах, показал их разнотипность: вдавленные (компрессионные) переломы костей свода черепа; рубленые дефекты, наносимые тяжелым рубящим оружием; травмы лицевого скелета (нос, верхняя или нижняя челюсть); проникающие ранения стрелой и др. Хронологическое распределение травм в сарматских группах свидетельствует о том, что на материалах раннего и среднесарматского времени травматические повреждения наблюдаются относительно редко, хотя и намечается их рост к среднесарматскому времени. На материалах позднесарматского времени резко возрастает количество травм, в том числе и со смертельным исходом. При этом увеличение идет как по травмам свода черепа и лицевым повреждениям, так и по травмам костей посткраниального скелета. У поздних сарматов преобладают рубленые раны и компрессионные переломы.

Повышение мужского травматизма во второй половине II–IV вв. н.э., очевидно, характеризует это общество как более агрессивное, чем раннесарматское и среднесарматское.

* * *

Для проведения данного исследования была выработана и предложена система дефиниций, учитывающая степень сочетания различных комплексов признаков между собой (принцип «сопряженных групп»). В результате структурирования материала за основу были приняты три серии: детская, мужская и женская. Каждая серия была поделена на возрастные группы, принятые в физической антропологии, которые соответствуют возрастным когортам:

Infantilis I (от новорожденности до 6 лет);

Infantilis II (от 6 лет до 13–14 лет);

Juvenis (15–20 лет);

Adultus (20–35 лет);

Maturus (35–50 лет);

Senilis (старше 50 лет) (Алексеев, Дебец, 1964, Балабанова, 1998).

Материалы в каждом обозначенном разделе предлагаемого издания выстроены на основе распределения по полу и возрасту по каждой из традиционных сарматских культур в хронологической последовательности. В главах по антропологии сарматских групп использован весь обработанный по исследуемому региону материал. В главах по погребальной обрядности брались только те комплексы, по которым имелась половозрастная диагностика, кроме того, исключались те погребальные комплексы, по которым отсутствовала достаточная информация о деталях обряда в результате их ограблений.

Научное издание

БАЛАБАНОВА Мария Афанасьевна
КЛЕПИКОВ Валерий Михайлович
КОРОБКОВА Елена Алексеевна
КРИВОШЕЕВ Михаил Васильевич
ПЕРЕРВА Евгений Владимирович
СКРИПКИН Анатолий Степанович

**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА
САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ:
ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И АНТРОПОЛОГИЯ**

Монография

Редакторы *М.И. Мульганова, Н.В. Никитина*
Компьютерная верстка *Г.В. Подшиваловой*

Подписано в печать от 26.08.15. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура ТАЙМС.
Физ. печ. л. 17. Тираж 500 экз.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10

